

«Время громадной душевной боли»

Исполнилось 170 лет со дня рождения М.Е.Салтыкова-Щедрина

«Н а каждого писателя, произведения которого живут в течение нескольких эпох, всякая новая эпоха накладывает новую сетку или решетку, которая закрывает в образе писателя всякий раз другие черты - и открывает иные», - размышлял К.Чуковский.

В отношении Салтыкова-Щедрина, которого нынче, на мой взгляд, не очень-то жалуют читатели своим вниманием (вероятно, тенденциозен не в меру), предложенная Чуковским система оценок срабатывает четко. Уже современники высказали целый спектр чужды ли не взаимоисключающих суждений. Чернышевский при появлении «Губернских очерков» дал проницательную характеристику автору: «Он писатель, по преимуществу скорбный и негодующий». Критик полярной ориентации, А.В.Дружинин отмечал, что Щедрин (под этим псевдонимом писал М.Е.Салтыков) - писатель, знающий дело, толкующий о слабостях, им действительно изученных, и подчеркивал главную черту его творческой манеры: «Наш автор умеет всюду провести, невзирая на темные стороны рассказа, одно честное и доброе лицо, про которое говорил граф Толстой в своем «Севастополе». Это лицо - истина, не отвлеченная и сухая истина, а истина, живущая своей жизнью и наполняющая собой все части рассказа». «Пророком, vates, om римским» называл Щедрин А.Н.Островский, а знаменитый физиолог И.М.Сеченов окрестил писателя великим диагностом общественных зол и недугов.

Д.Писарев, напротив, усмотрел в щедриновской сатире «цветы невинного юмора». Вслед молодому ниспровергателю авторитетов Н.В.Шелгунов, критик демократической ориентации, поначалу утверждал, что Щедрин «недостает ясной мысли, стройного и последовательного мирозерцания, которые бы дали содержание его сатире». Парадоксально противопоставление сатирику Чаадаева, который действительно «чувствовал, что он сам частица той России, о которой он скорбел, в которую верил, которую любил...» И только после кончины писателя (1889 год) Шелгунов осознал величие ушедшего литератора: «Салтыков обращался к совести общественного сознания. Он раскрывал те общие идейные причины, от которых именно и идет человек на убыль... Салтыков был истинный мудрец, которому были ясны все тончайшие нити и пружины личных и общественных отношений...»

Времена повернулись, и сатирическое перо стало рассматриваться как орудие разрушения органической России, ее духовной почвы (кстати, нынешние «почвенники» так и продолжают считать Салтыкова-Щедрина писателем нигилистического по отношению к исторической России, отрицательного направления). Салтыкова не читал, утверждал В.В.Розанов, что не мешало ему гвоздить автора «Благонамеренных речей» почему зря. Вот так, к примеру: «Этот ругающий вице-губернатор - отвратительное явление»; «Как «матерый волк» он наелся русской крови и сытый отвалился в могилу»; «После того, как были прокляты помещики у Гоголя и Гончарова («Обломов»), администрация у Щедрина («Господа ташкентцы») и история («История одного города»), купцы у Островского, духовенство у Лескова («Мелочи архиерейской жизни») и, наконец, вот самая семья у Тургенева, русскому человеку не осталось ничего любить, кроме прибауток, песенок и сказочек. Отсюда и произошла революция». Не слабо выражался автор «Уединенного» и «Апокалипсиса нашего времени». И все-таки смею утверждать, что ругать столь скверно и чуть ли не кощунственно можно лишь свое, родное, русское - по праву любви.

Да, здесь бы не выпустить из виду и такого любящего Салтыкова-Щедрина, как В.И.Ленин. Он тоже гвоздил, но не самого автора «Писем к тетеньке», а эту самую «тетеньку» - либеральную интеллигенцию, кадетскую публику и прочая-прочая - с помощью образов и лексики любимого писателя. Каждый отстаивал свое право по-своему любить Россию и ее великую литературу.

Чего не было в любви Салтыкова-Щедрина к своему отчеству, так это благости. Вот ненависть как оборотную сторону любви усмотреть можно. Национальной самокритики предостаточно. Он не закрывал глаза на мрачные стороны и вывихи развития родины, на изъяны и несовершенство деспотической, по его мнению, и, как мы бы нынешним языком сказали, имперской системы правления. Вряд ли случайно такой серьезнейший исследователь, как Ю.М.Лотман, в книге «Беседы о русской культуре» отмечал: «Салтыков-Щедрин... в книге очерков «Господа ташкентцы» показал, что колонизация азиатских народов приводила к распространению крепостного права на эти народы и одновременно превращала собственных крестьян в разновидность колониального народа. Салтыков писал, что «Ташкент» расположен на всем про-

странстве России». Так, в восьмидесяти годах нынешнего столетия «решетка» сдвинулась и открыла в политическом писателе и социальном сатирике Салтыкове-Щедрине, может быть, резко всего аспект, подмеченный литературоподом из Тарту.

Ныне же, как мне представляется, вновь актуализируются, гордо насущнее звучат другие салтыковские мотивы, прежде всего «пропала совесть». А еще чувствуешь, что здесь все пропитано антибуржуазным пафосом. И про «новых русских» сатирик сказал, только в те поры они звались «чумазами», потому как при первоначальном накоплении капитала в России не банковские, как ныне, состояния собирали, а промышленные: «Идет чумазы! Идет и на вопрос, что есть истина, твердо и неукоснительно отвечает: расписочно и на вынос!» А поскольку автору «Помпадуров и помпадурш» и «Современной идиллии» довелось жить и в эпоху застоя, затишья, позже это назвали общественно-политической реакцией, и в поры реформ шестидесятых годов, он хорошо знал, что во время перемен отмечаются случаи «возникновения запроса на так называемых «свожих людей», запроса, обусловленного постепенным вырождением людей «не свежих».

Оказались, уны, непреходящими меткию опротоления непропоздленного знатока российской бюрократии и мастера эзоповской речи: «Департамент изыскания источников и наполнения бездн» (Минфин), «Департамент недоумений и оговорок» (Министерство юстиции), а «Департамент расхищений и раздач» - это, как вы сами догадались, Министерство государственных имуществ. А сколько не в бровь, а в глаз сделано характеристик газетным деятелям и прочим процветающим в «сфере сеяния»! Поразительно, что Салтыков-Щедрин куда как проницательнее и прониновеннее в своих суждениях о российской действительности и человеческой природе, нежели многие сегодня черпающие свое вдохновение на жизненной свалке творцы, либо пускающиеся в изощренные языковые ухищрения постмодернисты. Да и вообще откроешь наугад любую страницу любой книги автора «Господ Молчалиных», и повеет до жути знакомым: «Разве не бывало примеров, что и в оставленных храмах вновь раздавались урчания авгуров, что и низверженные кумиры вновь взбирались на старые пьедесталы и начинали вращать алмазными очами?» Бывало, как не бывает, только имен сих современных авгуров называть не будем.

От книги к книге все более скорбным, трагическим становится общий тон писателя. Один из замечательнейших романов русской литературы «Господа Головлевы» кончается неожиданно. В Порфирии Владимировиче Головлеве, Иудушке, замучившем всех своих родных и близких, живущем в мерзости запустения, вдруг - в пасхальную ночь - промелькивает искра человеческого. И тогда, озираясь кругом, вспоминая страшное свое прошлое, он растерянно воскликнул: «Что такое! что такое сделалось?! где... все?..» Предельного же сгущения достигает эта горько-горестная интонация в рассказе «Имярек» из «Мелочей жизни» - о, эти проклятые, тинной опутывающие живую жизнь мелочи... Грозно-вопрошающим взглядом смотрит на нас с портретов последних лет Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин: смертельно уставший и больной человек пытается различить в грядущем проблеск надежды.

Пророческий дар находил у автора «Истории одного города» Даниил Андреев. Он даже попытался доказать, что в гротескном образе градоначальника Угрюм-Бурчеева Салтыков-Щедрин предвидел явление на вершинах власти России Сталина как продолжателя тиранической тенденции, проявившейся и в Бироне, и в Аракчееве, и в Николае I, и даже разглядел сквозь толщу времен портретные черты деспота XX века. Фанатический нивеллятор, то есть замысливший втиснуть в прямую линию весь видимый и невидимый мир, солдафон, желавший всех вокруг держать в «ежовых рукавицах», и одновременно уникальный прохвост (замечательно, что этимологию последнего слова относят к профосу - тюремному служителю, отвечающему за вынос из камеры параша), Угрюм-Бурчев приступил к бессмысленной и слепой борьбе с природой. Конец начался с разрушения города и построения запруды на реке из образовавшегося мусора. За ночь река размывала и унесла плотину и снова двинулась в своих берегах. Тогда ошеломленный преобразователь решил уйти от реки и построить мечтаемый город Непреклонск на новом месте, на ропной, как скатерть, равнине.

Это ли не загляд писателя в будущее, когда творили сказки наяву, срывали горы и полорачивали русла рек, а главное уничтожали старую, обжитую дом прежде, нежели успевали возвести новый? И вот тогда является - как возмездие - Оно. Историю города Глупова завершает картина светопрествавления, апокалипсиса. Оно близилось, и по мере того как близилось, время этанавливалось бег свое. Наконец земля затряслась, солнце померкло... Оно пришло... История прекратила течение свое. Не так ли и в Откровении Иоанна Богослова сказано: «Времени уже не будет». «История одного города» - это ко всему прочему еще и одна из первых в русской литературе антиутопий. И «Чевенгур» Андрея Платонова, где Чепурный неоднократно приветствует окончание истории, которое означает «конец движения несчастья в жизни», восходит не только к евангельскому источнику, но и к гениальной книге Салтыкова-Щедрина.

В поздней прозе писателя много детей, мальчишек, молодых людей, девушек. Прежде всего вспоминаются три трагических рассказа из цикла «Молочи жизни» - «Счастливец», «Удудинов», «Черезолов, муж и жена». Ну и, конечно же, незабвенный русский мальчик без штанов, сразивший в споре мальчика немецкого - в штанах (книга очерков «За рубежом»). Главным же аргумент у россиянина был такой: у нас хоть и шаром покати, зато занятнее. А вот Сержа из «Рождественской сказки», прослушав проповедь сельского батюшки об извечной Правде, сораспил нависшей с Христом, так заботел по правде жить, что тяжко заболел. И в горячем сне к отроку явилась весь в белом Христос... это явилась Правда. Правда мелькнула перед мальчиком и напоила его существо блаженством, но некрепшее сердце не выдержало столь сильного чувства и разорвалось.

По собственному признанию писателя, его сердце сжималось всякий раз при виде детей, при нужденных жить в обществе, где разлита необычайная интенсивная сила злополучия. А ведь он и работал всю жизнь. Что бы «человеческое» восторжествовало над «гиенским». Неизбежно и навсегда.

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВА.